

Язык сексуальности как проявление жизни

Антропологическая сущность сексуальности состоит в том, что данный феномен практически неотделим от человеческой жизни. Достаточно давно человек пытается понять себя, познать свою природу, однако, при этом о каких-то вещах он не решается говорить, а другие – не считает достаточно важными для своего внимания. В силу этого возникает необходимость вновь поставить вопрос о сущности сексуальности, о средствах ее выражения и репрезентации.

Говоря о сексуальности, необходимо отметить, что по своей природе данный феномен обладает жизнью только тогда, когда начинает проявляться. Сексуальность, которую питает желание, становится ощутимой в момент своей актуализации. Сексуальность, отвергающая какой-то объект, молчит: в ней нет жизни, поскольку функция сексуальности состоит в движении к объекту. Субстанциальная характеристика заключается в том, что лишь будучи выраженной каким-либо образом, она поддается рефлексии. Сексуальный объект побуждает другого индивида не только реагировать на язык чувственности, но и дает возможность «заговорить» ему самому. Продолжение рода не является необходимой причиной существования языка сексуальности, который объективирует не столько будущее поколение, сколько самого индивида: «Конечная цель символического процесса состоит в том, чтобы небытие явилось в бытие, чтобы оно стало, потому что сказалось» [4, С. 436].

Язык сексуальности – попытка выразить свою сущность в знаковой системе. Его функция состоит не столько в создании коммуникации, сколько в пробуждении желания индивидуума, трансляции желания с помощью определенных языковых средств. Именно желание вдыхает жизнь в этот мир, позволяет воспроизводить его каждый раз новым и неповторимым – сексуальность не развивается по жестко установленным схемам.

Язык сексуальности по своему преимуществу имеет невербальный характер, поскольку чувственность не может быть вербализована до конца. Выраженная в слове, она, как правило, теряет свою глубину и искренность. Желание, имеющее телесную природу, в вербальном контексте находит лишь quasi-реальность. Слово убивает сексуальность, которая не оставляет вместо себя ничего кроме фантазма: «... секс регрессирует и исчезает в качестве устойчивого референта в гиперреальности «освобожденной» сексуальности» [2, С. 42]. Однако возникает вопрос, возможно ли исчезновение сексуального? Полностью исчезнуть то, что неотъемлемо от природы человека, не может. Ж. Бодрийар пишет: «Секс, подобно человеку или социальному имеет свой срок» [2, С. 41]. Но этот срок, вероятнее всего, имеет не временные, а пространственные границы. Феномен сексуальности не исчезнет, если о нем перестанут говорить: тотальность дискурса имеет дело не с самим явлением, а лишь с представлением о нем. Пространство чувственной реальности способно удержать сексуальность от ускользания в небытие, позволяя существовать многомерному пониманию, которое не принимает застывших форм и подвержено постоянному изменению.

Любое явление обычно имеет несколько уровней репрезентации. Язык сексуальности, возникший как проявление самой жизни, имеет чувственную природу. Безусловно, индивид может говорить о своей сексуальности, но если при этом его чувственность молчит, он никогда не будет понят и принят Другим. Конфликт между социальным (формальным) статусом речи и интимно-личностной чувственностью обуславливает существование сексуальной близости. Отказ от данной антиномии приводит к психопатическим проявлениям (в частности, к метросексуальности).

Желание имеет диалогическую природу, не находя отклика в Другом, оно теряет свою жизненную силу: «Желание человека получает свой смысл в желании другого – не столько потому, что другой владеет ключом к желаемому объекту, сколько потому, что главный его объект – это признание со

стороны другого» [5, С. 38]. Это «признание» заключается в пробуждении чужой сексуальности, которая остается немой без Другого.

Язык сексуальности, прежде всего, связан с телесностью индивида. Для этого языка не нужны слова, из пространства дня он уходит под покров темноты или полусвета. Сумерки обостряют чувственность, раскрепощают эмоции индивидуума и не сковывают его тело.

Прагматика языка сексуальности – соблазн. Данный процесс не носит одностороннего характера – соблазняющий всегда желает быть соблазненным: «в них скрещиваются и сочетаются два сознания (я и другого), здесь я существую для другого и с помощью другого» [1, С. 228]. Оба объекта коммуникации стремятся к выражению своей сексуальности, при этом, каждый из них использует исключительно индивидуальную символику раскрытия себя, только эти выразительные средства будут для него приемлемы. Однако поле понимания другого индивидуума с необходимостью создает какие-то общие закономерности, в рамках которых возможен сам акт понимания. Так создается совершенно новая сексуальная реальность, обусловленная существованием индивидов и самим желанием. Энергия желания позволяет ощутить другого человека, обнажив его присутствие в пространстве близости: «это бытие никогда не совпадает с самим собою и потому неисчерпаемо в своем смысле и значении» [1, С. 228]. Знаки, символы, образы, которые использует желание – выразительные средства языка сексуальности.

Чувственность транслируется через акустический канал передачи информации: экстралингвистика и просодика; оптический канал передачи информации: взгляд, мимика, жесты, поза, проксемика; различные аксессуары. Невербальный язык позволяет существовать гораздо большему числу оттенков и вариаций сексуальности. Каждый способ трансляции сексуальности может использоваться с большей или меньшей интенсивностью, ритуал не определяет момент вовлечения того или иного языкового средства сексуальности: «соблазнение не

предполагает никакой заранее существующей формы языка» [6, С. 220].

Сексуальный объект – человек, который таит в себе возможность быть познанным. Индивид, не несущий в себе ничего тайного, не влечет к себе желание Другого. Человек скрывает свою наготу, отгораживаясь лишь сетью намеков, которые являются языковыми средствами сексуальности. Обнаженное тело не только не пробуждает чужую сексуальность, оно анатомически зримо и десексуализировано: «Тело обладает смыслом лишь будучи маркировано, покрыто надписями» [3, С. 201]. Парадоксальность маркеров сексуального обусловлена их искусственной природой, с одной стороны, и обозначением естественного, с другой. Маркерами могут выступать одежда, походка, жест, татуировки и др. Понимание обозначения не детерминирует их использования. Обозначение маркерами отсутствующих черт, не приводит к их возникновению: чувственность Другого остается молчаливой (маркирование в данном случае не будет выражать язык сексуальности): «при соблазнении язык имеет целью не дать знать, а заставить ощутить» [6, С. 220].

Как правило, в формально-обыденном поведении маркеры не используются, поскольку не предполагается проявление сексуального, телесного, индивидуально-личностного. Повседневность исключает из своей структуры любые проявления искренности, которые могут поколебать ее устойчивость, а язык чувственности табуируется.

Маркеры не являются полностью формальными. Их интерпретация носит в какой-то степени свободный характер, создавая новое поле понимания, в котором закрепляются определенные значения телесности индивида.

Усложнение восприятия за счет появления новых смыслов сексуальности, делает в то же время текст (тело) более понятным, выделяя в нем существенно важные черты как для индивида, который читает маркеры, так и для того, кто является их непосредственным источником. Характер маркеров, прежде всего, зависит от того, кто их наносит / распознает.

Индивидуальное прочтение чужой сексуальности почти всегда сохраняет вероятность нанесения новых маркеров.

Лишь сокрытое тело оставляет возможность развития и выражения сексуальности, проявления ее жизненной силы. В этой сокрытости сохраняется неизвестность и непредсказуемость, как сексуальности, так и жизни в целом.

Несмотря на различия в использовании языка сексуальности гетеросексуалистами и гомосексуалистами, ни те, ни другие не способны от него отказаться. Сексуальность независимо от форм воплощения всегда стремится к своему проявлению, которое возможно через гармоничное соединение чувственного и вербального выражения.

Тем не менее, можно отметить комплементарность языков сексуальности: первичное выражение желание получает в невербальном языке, в нем оно воплощается и развивается; вербальный язык проясняет невербальный и конституирует желание в дискурсе. Если человек живет, в нем с необходимостью возникнет сексуальное желание, которое, стремясь к своему выражению, будет использовать языковые средства сексуальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бахтин М.М. К философским основам гуманитарных наук // Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. - СПб.: 2000.
2. Бодрийар Ж. Забыть Фуко. - СПб.: 2000.
3. Бодрийар Ж. Символический обмен и смерть. - М.: 2000.
4. Лакан Ж. Семинары, Книга II: «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954 / 1955). - М.: 1999.
5. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. - М.: 1995.
6. Сартр Ж.-П. Первичное отношение к другому: любовь, язык, мазохизм // Проблема человека в западной философии. - М.: 1988.